

Художник своего времени

— Бывает, человеку на роду написано стать тем-то или тем-то. Иного не может быть. Так случилось со мной. Я просто не мог не стать артистом.

Шакен Кенжетаетвич открывался на спинку кресла, и взгляд его уплывает куда-то за окно. Что он видит там, сквозь завесу прожитых лет? Может, степь без конца и края, в алом разливе цветущих по весне тюльпанов, а может — ночные костры в ауле, возле которых собирались люди послушать своего певца? Он словно слышит, как тихо и мягко звенит домбра — неизменный спутник казаха в печали и в радости, выразитель всех его дум и чаяний...

И отец, и дед, и дед деда Шакена Айманова были народными певцами. Домбра жила в их юрте как самый почетный член семьи, и даже маленький Шакен знал, что человек, взявший в руки этот инструмент, наделен особой силой. Он верил в легенду о сказочном Коркуте, который считал себя бессмертным, потому что все свои думы, и чувства, и песни он оставил домбре, и будут они жить вечно...

Трехлетним ребенком Шакен уже трогал струны отцовской домбры, а в пять лет играл, хотя инструмент был непосильно тяжел для детских рук и пальцы маленького певца еле дотягивались до ладов. Щепкая память, стоило услышать раз — другой, впитывала, хранила любое сказание, любую песню, и юного сказителя уже охотно слушали люди. Так, незаметно для мальчонки шла духовная подготовка к будущему ремеслу.

То, что было суждено, сбылось. Только Шакен Айманов стал не простым актером, а большим человеком — народным артистом своей республики и Советского Союза. Ему повезло — он родился в канун величайших преобразований на родной земле и его талант рос и набирал силы вместе со всей страной.

Тридцать пять лет назад он вышел в своей первой роли на сцену высшего Академического драматического театра, носящего имя выдающегося деятеля казахской культуры Мухтара Ауэзова. С тех пор Шакен

Айманов сыграл почти 150 ролей, причем в некоторых из них выступил многие сотни раз. И сейчас еще нет ему замены в ролях Отелло, Петруччо из «Укрощения строптивой» и Ахана в национальный пьесе «Трагедия поэта».

Шакен Кенжетаетвич и сам поставил на сцене около двадцати спектаклей — тут и произведения казахской драматургии, и русская, западноевропейская классика, и современные пьесы.

— Все мои почетные звания, — говорит он, — заслуженного артиста, затем — народного республики, народного артиста Советского Союза, лауреата Государственных премий — все это мне дал театр. И он же помог моей работе в кино.

В первом фильме Шакен Айманов снялся в 1940 году. Работал с Г. Рошалею, постановщиком фильма «Песни Абая», в котором сыграл психологически сложную роль ученика Абая — поэта Шарипа, с Е. Дзиганом, в чьем фильме «Джамбул» исполнял главную роль, сменив 16 гримов, чтобы показать великого певца казахского народа на протяжении всей его долгой, столетней жизни. И сам пробовал свои силы в режиссуре — ставил драмы и комедии, трагедии и публицистику. Искал свои пути в искусстве кино, выработывал собственные принципы. Собственно говоря, биография Шакена Айманова в кино — это история самого казахского киноискусства.

— Я — сын своего народа, своей земли, которая за полвека испытала поистине сказочные превращения, — говорит он. — Показать всему миру наши достижения, рассказать, каким был и стал Казахстан, — наш долг.

В 1967 году он поставил психологическую драму «Земля отцов».

— Это — рассказывает Шакен Кенжетаетвич, — фильм-повествование фильм раздумье о том, что такое для человека его Родина, его долг перед родной землей. Я вложил в него свои переживания, думы, чувства. Картина имела успех, получила ряд наград на Всесоюзном и международных фестивалях. Казалось бы, поставлен восклицательный знак: я нашел себя!

И вдруг захотелось «отдохнуть» — поработать над кинокомедией. Так родился «Ангел в тубейке». Нет, конечно, это не лучшая моя работа, но я рад, если она помогает людям обрести хорошее настроение, вызывает добрую улыбку. Потому что я — большой жизнелюб и считаю, что юмор должен занимать большое место в жизни человека. Без шуток, без смеха жить нельзя!

Говячо, взволнованно говорит Шакен Кенжетаетвич об искусстве, о творчестве, делится своими мыслями.

— Отдав свыше тридцать лет искусству, я порой спрашиваю себя: кто же я? Актер театра или кино? Театральный режиссер или режиссер кино? Или сценарист? А может, общественный деятель, поскольку являюсь первым секретарем правления Союза кинематографистов республики, художественным руководителем студии «Казахфильм», депутатом Верховного Совета Казахстана... В наш синтетический век это, пожалуй, закономерно — совмещать многое. Нельзя отрывать режиссерское ремесло от актерского, быть режиссером, не владея пером драматурга, считать, что предан искусству, не живя жизнью народа, страны, партии. Все это взаимосвязано и все вместе определяется емким словом — художник, человек своего времени.

Наша затянущаяся беседа подходит к концу. Время у Шакена Кенжетаетвича расписано по минутам — творческие встречи, беседы, просмотры работ латвийских коллег-кинематографистов, поездки по республике. Его интерес ко всему и всем — невремен, его энергии можно только позавидовать.

— А как же иначе? — удивляется он. — Искусство питается жизнью. Я люблю его беспрдельно и счастлив, если могу отдать ему всего себя.

Прощаясь, Шакен Айманов просит передать со страниц газеты привет латышскому народу от трудящихся Советского Казахстана:

— Самый сердечный привет и самые добрые пожелания!

Е. Розанова